

Юноша прошёл в комнату с самодовольным видом, взглянул на стол и, сморщив нос, проговорил:

— Старший брат Юн Шань, ты — настоящий скряга. Каждый день на стол подают одни лишь зелень, дофу, редьку, восковую тыкву и всего парочку душистых цветочных пирожных. С таким-то питанием старший брат Юн Ци совсем обессилеет от голода. Как же хорошо, что я умнее своего старшего брата Юн Шаня и поэтому принёс с собой солёную оленину.

Достав маленький пузатый горшок, юноша поставил его на стол, а после обошёл его и встал за спиной Юн Ци, самым наглым образом заявив:

— Юн Ци, подвинься, будем сидеть с тобой вместе! Я привёз эту оленину из своего дворца. Тц, такая оленина — редчайший деликатес.

Юн Линь всегда был человеком, лишённым умения вести себя подобающим образом, и поэтому не обращал совершенно никакого внимания на своего брата-близнеца, невольно испытывая его терпение, которое, к слову, готово было лопнуть в любой момент. Сам же Юн Шань, сидевший с другой стороны стола, мрачно взглянул на Юн Линя и серьёзно сказал:

— Мало того, что не остался во дворце матушки, где должен был практиковаться в стрельбе из лука верхом на коне, так ещё и сюда заявился. Для чего? Или ты не понял, что я тебе сказал?

— Я тренировался! Встал ни свет ни заря и всё утро посвятил тренировке! — До этого разговора Юн Линь пребывал в прекрасном, даже восторженном настроении, однако, услышав слова Юн Шаня, который, как всегда, был холоден и невозмутим, юноша состроил обиженную мордашку и, словно ребёнок, спешно начал оправдываться: — Матушка сказала, что в тренировках тоже надо знать меру. Нельзя одной тренировкой достичь мастерства. А вот если заниматься без меры, то ничему путному не научишься, только мышцы будут болеть. Поэтому я и не продолжил, а решил немного отдохнуть и выйти прогуляться. Если старший брат мне не верит, то пусть спросит у матушки. Я тебе хоть раз солгал?

В отличие от глупого и неотёсанного Юн Линя, Юн Ци понимал, что один лишь вид его младшего брата заставлял Юн Шаня кипеть от злости.

Юн Ци боялся, что Юн Линь снова поднимет такой шум, и Юн Шань придёт в ярость, поэтому ему ничего не оставалось, кроме как прервать болтовню своего несмышлённого младшего брата. Нахмурившись, юноша обратился к Юн Линю:

— Раз уж ты захотел отдохнуть от стрельбы из лука, неужели вместе с этим ты решил не повторять пройденный урок? Время от времени нужно учиться тем вещам, которые помогут тебе в самосовершенствовании. Даже если ты займёшься каллиграфией, это уже будет неплохо. Но, как я вижу, ты очень ленив. Вместо того, чтобы в свободное время заняться чем-то полезным, ты решаешь пойти погулять. Да к тому же, не хочешь признавать собственных ошибок перед Юн Шанем.

А в это время Юн Шань наблюдал за всем происходящим со стороны. Его ясный ум был подобен чистому зеркалу. Внимательно вслушиваясь в слова Юн Ци, Юн Шань почувствовал не только хорошо скрываемую заботу и желание защитить Юн Линя, а также неких страх и осторожность.

Юн Шань не смог удержаться от той мысли, что в душе Юн Ци он всего лишь брат-близнец Юн Линя, и в отличие от последнего играл в его жизни менее почётную и важную роль!

Осознание этого отдалось болью в сердце, и юноша почувствовал кисло-горький привкус крови, которая была уже готова вырваться изо рта. В конечном итоге всё обошлось, но и сказать он так ничего не смог.

В конце концов в комнате раздался крик. Естественно тем, кто кричал оказался Юн Линь. Стоило только Юн Ци договорить и замолчать, как его младший брат резко повернулся к нему и с обидой и недоверием в голосе воскликнул:

— Старший брат Юн Ци, и ты ругаешь меня? Что всё-таки произошло? С момента моего возвращения я столько вытерпел! Меня и наказывали за проступок, и даже ругали: сначала матушка, потом старший брат Юн Шань, а теперь ещё и ты! Что такого плохого я сегодня сделал? Я лишь взял горшочек с олениной, пришёл сюда, думал, что попробую её вместе со старшими братьями. Неужели из-за того, что я поставил её на братский стол, вы меня отругали? Я вам настолько надоел?

Сейчас он напоминал маленького тигрёнка, его широко распахнутые глаза внезапно покраснели и наполнились влагой. Юноша, понизив голос, с негодованием произнес:

— Раз уж меня здесь все презирают, тогда зачем позвали обратно? Лучше бы позволили умереть в тех далёких землях, что были мне пожалованы! Исчез бы без следа для всех!

Выражение лица Юн Шаня резко изменилось, став пугающе-мрачным. Громкие вопли Юн Линя и его вздорные слова заставили Юн Шаня почувствовать, как ярость охватывает его сердце. Окончательно потеряв последние капли самообладание, Юн Шань взревел:

— Проваливай!

Словно обезумев, он смахнул рукой всё, что было на столе. В тот же момент все чашечки и палочки для еды с грохотом упали на пол, разбиваясь вдребезги. Такой же участи не избежал и горшок с олениной, принесённый Юн Линем. Весь бульон расплескался по полу.

Атмосфера в комнате в одночасье стала удушливой. Увидев, что Юн Шань впал в ярость, Юн Линь тотчас же замолчал, будто лишившись дара речи. Тело юноши на мгновение застыло от ужаса, а на лице появилась маска скорби и печали. Он резко поднялся, стиснул зубы, развернулся и быстрым шагом направился к двери.

Так как Юн Ци был единственным ребёнком у наложницы Ли и соответственно братьев и сестёр у него не было, он с самого детства очень любил Юн Линя, младшего единокровного брата. Когда тот поднялся со своего места, юноша не смог сдержаться и схватил его:

— Юн Линь, послушай своего старшего брата...

Юн Линь был достаточно сильным и высоким. Будучи вне себя от злости, юноша уже собирался уходить, когда сидевший Юн Ци протянул было руку, чтобы схватить его и потянуть на себя. Но к несчастью, он, так и не дотянувшись до пояса младшего брата, пошатнулся, потеряв равновесие, внезапно наклонился вперёд, ударяясь лбом об угол стола.

Бах! Раздался жуткий звук.

— Юн Ци!

Юн Шань услышал, как ударился старший брат, и сердце его сжалось в комок. Бросившись к Юн Ци, он взял его лицо в ладони:

— Позволь мне посмотреть!

Поняв, что только что натворил, Юн Линь испугался, быстро вернулся и начал крутиться возле Юн Ци, восклицая:

— Старший брат Юн Ци, старший брат Юн Ци, это моя вина! С тобой всё в порядке?

Заметив, как покраснел лоб брата, Юн Линь, словно ребёнок, обеспокоенно заговорил:

— Давай я поглажу ушибленное место.

Юн Линь вытянул руку и почти коснулся лба Юн Ци, как внезапно тяжёлая ладонь Юн Шаня шлёпнула его, не позволяя прикоснуться к Юн Ци, а сам юноша, скрежеща зубами, тихо произнёс:

— Прочь с глаз моих.

Потерпев неудачу и стгорая со стыда, Юн Линь едва ли не расплакался:

— Старший брат, я же не специально! Я действительно виноват!

— Юн Шань, — тихонько позвал Юн Ци. Его кожа была очень тонкой и нежной, а от боли, которая появилась из-за сильного удара, лицо побледнело, став белым, словно снег. Однако

юноша всё же свёл брови к переносице и тихо сказал, обращаясь к Юн Шаню: — Ваше Высочество, Юн Линь всего лишь несмышлённый ребёнок, тебе не стоит воспринимать его слова всерьёз.

Но Юн Линь, испытывая угрызения совести, неожиданно разревелился:

— Я во всём виноват! Я плохой! Неудивительно, что все мной недовольны! Я сам навлекаю на себя беду! Старший брат Юн Шань, накажи меня так, как ты сделал в тот раз, и как следует ударь меня за Юн Ци. Я матушке и слова не скажу!

Несмотря на то, что Юн Ци и Юн Линь были единокровными братьями, они всё же понимали друг друга лучше, чем родные братья-близнецы.

Юн Шань оказался между двух огней: один из которых умолял, а другой заливался слезами. Оба сжимали юного и величественного наследника престола, не давая тому возможности свободно вздохнуть.

Юн Шань холодно посмотрел на эту парочку, внутри у него всё разрывалось, будто кто-то пытается растерзать его внутренности палочками для еды. Однако Юн Шань не почувствовал никакой боли, и тем более вкуса крови. Юноша не впал в отчаянье, а даже наоборот, успокоился и с горькой улыбкой произнёс:

— Это лишь обычная еда, разве она стоит того, чтобы вы оба так плакали и кричали? Такое поведение не к лицу сынам императора.

После этого Юн Шань помог Юн Ци сесть поудобнее, обернулся и увидел выглядывающего из-за двери Чан Дэфу. Юн Шань отдал слуге приказ:

— Чан Дэфу, возьми несколько лекарственных мазей, которые помогут заживить ушибы, и принеси сюда. Его Высочество Юн Ци нечаянно ударился. Да, и ещё прикажи своим людям заново подать кушанья. Помимо лёгких блюд, пусть подадут и два мясных, Юн Линь жить не может без мяса.

Повторив несколько раз: «Слушаюсь», Чан Дэфу убежал исполнять приказ Его Высочества, сверх того отправил двух-трёх слуг подметать комнату, чтобы убрать весь беспорядок, что устроил Юн Шань. Через некоторое время слуга принёс лекарство и отдал наследному принцу. Тот, в свою очередь, взяв баночку, приказал Юн Ци не шевелиться, зачерпнул пальцем мазь, поднёс лечебную смесь ко лбу юноши и аккуратно начал втирать её в ушибленное место.

Юн Линь же наспех вытер заплаканное лицо. Взгляд его был полон беспомощности, и он, запинаясь, пролепетал:

— Старший брат Юн Шань, позволь мне.

Юн Шань успел остыть и не так сильно злился на младшего брата.

— Сиди уже. — Голос его был теплее, чем обычно. — Ты до полудня тренировался, не ел ещё, да к тому же не до конца успокоился и вот-вот расплачешься вновь. На сегодня с тебя хватит, — говорил Юн Шань, мягко растирая подушечками пальцев мазь по краям ушиба.

Такие нежные прикосновения Юн Шаня разбивали сердце Юн Ци.

Заметив, что сегодня Юн Шань был довольно добрым и ласковым, Юн Ци слегка удивился и, не сдержавшись, украдкой посмотрел на не то радостного, не то грустного младшего брата, что сидел перед ним, и у которого в руках была огромная власть. Но стоило только Юн Шаню поднять глаза и встретиться взглядом с Юн Ци, как последний слегка испугался и сразу же опустил глаза.

— Больно? Сильно надавил? — спросил Юн Шань, останавливаясь.

Юн Ци покачал головой:

— Нет... Мне уже намного лучше.

Когда Юн Ци потупил взгляд, его густые и пушистые ресницы опустились, пряча всю ту сумятицу, что царила в мыслях и читалась в его глазах. Одна фраза Юн Шаня, что заставила неожиданно подскочить сердце, была похожа на упавший в озеро камешек, который поднял мелкую и бесшумную рябь на водной глади. Юн Ци, будучи не в силах сдержать своих чувств, снова поднял взгляд.

Удивительно, но его чёрные глаза, что блестели словно драгоценные камни, смотрели на Юн Шаня без какой-либо настороженности.

Юн Шань помогал наносить Юн Ци мазь и находился совсем близко к нему. В тот момент когда Юн Ци поднял глаза, взгляд его проник в самую душу, заставляя сердце Юн Шаня резко вздрогнуть, словно оно хотело вырваться из груди, а дыхание неожиданно затаиться.

Он являлся наследником престола, которого выбрал сам Огненный Император [1], поэтому не имело значение, будь то серьёзное дело или какая-то мелочь, ему всегда нужно было оставаться безэмоциональным и холодным, ни в коем случае он не мог позволить себе даже слегка измениться в лице. Однако сейчас юноша был настолько взбудоражен, что с трудом держал себя в руках. Юн Шань сделал вдох и резко замер, и лишь тогда, когда почувствовал боль в груди, понял, что забыл выдохнуть.

Придя в себя, Юн Шань поглядел на Юн Ци и, сдерживая переполнявшие его эмоции, едва слышно прошептал, прерывая затянувшееся молчание:

— Я поклялся, что всю жизнь буду любить тебя. Не беспокойся, если уж я поклялся, то обязательно выполню данную клятву и никогда не откажусь от своих слов.

Его слова прозвучали очень искренне, прямолинейно и в то же время довольно смущающе, настолько, что могли заставить кого угодно залиться румянцем. Но вместе с тем эти слова звучали словно приговор, пробирающий до самых костей.

Несмотря на то, что в прошлом Юн Шань много раз унижал Юн Ци, причиняя такую нестерпимую боль, от которой объятия смерти стали бы самым настоящим спасением, сейчас же, слушая слова младшего брата, Юн Ци неожиданно почувствовал, как его сердце невольно трепещет и замирает в груди.

В голове воцарился такой хаос, что юноша не знал, что и сказать. Смущённый Юн Ци вновь опустил лицо, пряча его от Юн Шаня, и, не говоря ни слова, поджал губы.

Юн Ци хранил молчание, и Юн Шань тоже не издавал ни звука, по-прежнему массируя ушиб. Юноше всем сердцем хотелось стереть кончиками пальцев этот покрасневший ушиб, который появился из-за его глупого младшего брата-близнеца, и не оставить как от него, так и от боли ни малейшего следа.

Сам же Юн Линь испытывал угрызения совести за свой проступок. Юноша действительно послушался Юн Шаня, хоть и был нетерпеливым, но, вопреки всем ожиданиям, действительно вёл себя, как очень послушный ребёнок, тихо сидя в сторонке и боясь лишний раз открыть рот.

Три брата молчали. В комнате воцарилась такая тишина, что можно было услышать звон упавшей иголки.

Зимний день выдался неожиданно тёплым, будто пригрелся в слегка косых лучах полуденного солнца. Каждый думал заняться своим делом, однако все, чувствуя это лёгкое тепло, от которого тело наполнялось ленью, утопали в приятном блаженстве.

Воцарившаяся в комнате тишина словно исцеляла, она быстро и без следа стёрла ту неприятность, что случилась недавно. Почти одновременно подняв глаза, близнецы поглядели друг на друга, при этом чувствовали они себя крайне неловко, затем постепенно их взгляды смягчились.

Очень скоро на пороге появился Чан Дэфу в сопровождение ещё нескольких слуг, которые подали только что приготовленные горячие блюда. Одно за другим различные яства занимали своё место на столе, а Чан Дэфу осторожно улыбнулся и начал объяснять:

— Для Его Высочества Юн Линя мы приготовили два разных мясных блюда: первое — из трёх цыплят, тушёных в луковом соусе, а второе — из свиной лопатки, тушёной в соевом соусе и солёном вине. Сначала мы хотели приготовить Его Высочеству Юн Линю его любимое блюдо — говяжий желудок, разогретый в котле, однако для его приготовления требуется много

времени. Мы побоялись, что можем слишком долго провозиться с ним, тем самым заставив ждать и умирать с голоду Его Высочество третьего...

Юн Линь только сейчас, можно сказать, успокоился и вёл себя благоразумно, однако легче сдвинуть горы и реки, чем изменить характер человека, и уже через мгновение старая привычка юноши вновь взяла над ним вверх. Его смех прервал Чан Дэфу, не давая мужчине договорить. Все ещё смеясь, юноша сказал:

— Ты тоже решил подлизаться, приготовив два разных блюда и подав их на стол, чтобы порадовать прекрасный цветок. Думаю, я найду какой-нибудь подарок, чтобы вознаградить тебя за это. — Юн Линь сунул руку за пазуху и долгое время что-то там выискивал, как вдруг его улыбающееся лицо изменилось, став каким-то странным.

Так как сегодня у Юн Линя была тренировка, никаких безделушек он с собой не взял и сколько бы ни искал и ни копался в своих одеждах, так ничего и не нашёл. Юн Линю ничего другого не оставалось, как опустить голову и поглядеть на собственный пояс, где красовалась пара нефритовых подвесок: одна подвеска была дарована Огненным Императором, а вторую ему вчера подарила наложница Шу. Конечно же он не мог подарить столь дорогие сердцу украшения какому-то слуге.

Однако слова уже были сказаны, и Чан Дэфу в ожидании стоял перед ним. Юн Линь готов был умереть со стыда.

Юноше пришлось притворяться, однако глаза выдавали его с головой, взгляд беспорядочно метался от волнения и что-то выискивал. И тут его взор упал на украшение, выделявшееся на поясе Юн Ци. Подойдя к юноше, Юн Линь с улыбкой произнёс:

— Старший брат Юн Ци, у тебя такая тонкая талия, но на ней так много украшений, и все они такие тяжёлые, что носить их, должно быть, довольно трудно. Может, лучше одолжишь мне один маленький камушек, а я потом достану камушек красивее этого и подарю тебе, — сказал юноша, беспечно протягивая руку, в надежде сорвать маленький нефрит, не боясь при этом сломать всю подвеску.

Но неожиданно для всех Юн Ци заслонил руками пояс, не давая даже пальцем коснуться его, и громко воскликнул:

— Юн Линь, ты хочешь именно эту вещицу, а другая не подойдёт? Если старший брат найдёт что-нибудь подходящее, то отдаст тебе. Прекрати немедленно, не нужно портить эту подвеску.

Юн Ци всегда был очень отзывчивым и ничего не жалел для Юн Линя. Стоило младшему брату лишь попросить его отдать понравившуюся тому вещь, как юноша тотчас же уступал ему, потакая его прихотям. Однако нефритовое украшение, что висело на талии Юн Ци, хоть и выглядело незначительной безделушкой, но было очень искусно украшено. Можно было не сомневаться в том, что украшение было очень редким, и оно являлось своеобразной жемчужиной в коллекции Юн Шаня.

Возможно, эта подвеска тоже нравилась Юн Шаню, однако он сам подарил её Юн Ци, и совсем недавно собственноручно помог пристегнуть её к поясу.

Если бы Юн Ци на глазах Юн Шаня позволил Юн Линю сломать подаренную подвеску, то своим поступком юноша сильно обидел бы Юн Шаня. И Юн Ци это прекрасно понимал. Остановливая Юн Линя, юноша невольно переживал, что Юн Шань вновь может впасть в ярость и, поэтому внимательно следил за его реакцией.

Ведь Юн Шань мог разозлиться в любой момент.

Однако, увидев, что Юн Ци защищает его подаренную вещицу, Юн Шань был настолько рад, что его руки охватила лёгкая дрожь, будто юноша выпил крепкого вина, которое ударило в голову, а в глубине сознания крутилась одна и та же фраза: «Растрогает даже камень, растрогает даже камень...»

[1] Огненный Император: в китайской мифологии один из важнейших культурных героев, покровитель земледелия и медицины, один из Трёх Великих. Ему приписывают создание календаря природы и классического фармакологического сочинения о травах и лекарственных препаратах «Трактат Шэнь-нуна о корнях и травах».

<http://bllate.org/book/13372/1189569>